

УДК 398.54

DOI: 10.18413/2075-4458-2018-45-2-333-344

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ РУССКОЙ КРЕСТЬЯНКИ
НА СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XIX – 30-Х ГГ. XX ВВ.
В КОНТЕКСТЕ НАРОДНЫХ ЧАСТУШЕК**

**THE TRANSFORMATION OF RUSSIAN FEMALE PEASANTS' VIEWS
ON MARRIAGE IN THE LATE 19TH CENTURY THROUGH THE 1930S IN THE
CONTEXT OF FOLK CHASTUSHKAS**

**С.П. Шаповалова, И.В. Истомина
S.P. Shapovalova, I.V. Istomina**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: Shapovalova_S @bsu.edu.ru, Istomina@bsu.edu.ru

Аннотация

Народные частушки в качестве исторического источника используются довольно редко и то – фрагментарно, подчеркивая какую-либо сюжетную иллюстрацию. Краткая форма данного фольклорного жанра с ироническим уклоном не вызывает особого интереса у историков. Но при социопсихологическом подходе анализ частушек позволяет подтвердить или опровергнуть общепринятые исторические концепции. Это хорошо заметно применительно к исследованиям семейно-брачных отношений в русской деревне конца XIX – 30-х гг. XX вв. В своей содержательной сути частушки помогают акцентировать внимание на эволюционных процессах ментального характера, подчеркивая специфику конкретной исторической эпохи. В частности, в них отражена вся структура до-брачных и брачных отношений в русской деревне: мотивация замужества, социальный идеал женщины, виденье своего (женского) места в семье, причины отказа от замужества, согласие выхода замуж за нелюбимого, семья и колхозная жизнь и т.д. Краткость, ироничность, социальная направленность делают частушки, по сути, временными следами социальных представлений крестьян на различные стороны деревенской жизни. Частушки как социальное явление весьма политизированы и отражают настроения различных политических слоев русской деревни первых годов советской власти. Всё это делает их ценным источником при анализе социальной психологии русского крестьянства. При этом, оттеняются те психологические моменты эволюционного характера переходных эпох, которые весьма редко встретишь в других источниках.

Abstract

Folk chastushkas have rarely been used as a historical source; in the cases when they were part of the source base, chastushkas were drawn fragmentarily – basically to illustrate a particular aspect. The short form of this folk genre with a historical slant is not of much interest to historians. Meanwhile, when one looks at chastushkas through the lens of the socio-psychological approach, their analysis allows to confirm or refute conventional historical conceptions. The study of marriage in the Russian village in the late nineteenth century through the 1930s is a good example of this. Chastushkas, in their essence, help to attract attention to the evolution of mentality, highlighting the peculiarity of a particular historical epoch. In particular, they reflect the whole structure of premarital and marital relations in the Russian village: the motivation of marriage, the social ideal of the groom, the vision of her (female) place in the family, the reasons for rejection of marriage, consent to marry unloved, family and collective life, etc. The conciseness, irony and social focus make chastushkas per se imprints of peasants' views of various aspects of the rural life specific to a certain time. In the first years of the Soviet era, chastushkas as a social phenomenon were highly politicized, they reflect the moods of various strata in the Russian village. The above men-

tioned make chastushkas a valuable source in the analysis of social psychology of the Russian peasantry. At the same time, the psychological moments of the evolutionary nature of transitional epoch which are very rare in other sources are set off.

Ключевые слова: фольклор, частушки, русская деревня, крестьянство, большевики, социальная психология.

Key words: folklore, chastushka, Russian village, peasantry, Bolsheviks, social psychology

Семейно-брачные отношения являются ключевыми критериями любого общества, отражая его культурные, социопсихологические, социоэкономические параметры на определенном историческом этапе. О важности этого социального института, как в рамках отечественной, так и зарубежной историографии, написано достаточное количество работ [Бранденбургский, 1926; Вольфсон, 1937; Stites, 1978; Engel, 1994; Пушкарева Н.Л., 1997; Безгин, 2000 и др.].

Но источниковая база при написании данного дискурса социальных отношений используется усечено. В первую очередь это относится к различным видам фольклора (пословицам, поговоркам, песням, сказкам и др.) и, в частности, к частушкам, а они по своей информативности и образности зачастую превосходят указанные жанры народного фольклора.

Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона дает частушке следующее определение: «Частушка – современный тип народной песни, состоит из коротких строк и куплетов, содержание берется из текущей жизни» [Частушка, 1909, с. 2007].

Следовательно, частушка (коротушка, матаня, припевка и т.д.) – это не просто веселая короткая рифмованная песенка, исполняемая под гармонь или балалайку, а реальное отображение действительности, выраженной в яркой афористичной форме. Ю.М. Соколов – известный исследователь фольклора – отмечает: «Частушки в своем генезисе – явление очень сложное. Теперь на основании уже многочисленных разысканий фольклористов (акад. А.И. Соболевского, проф. Д.К. Зеленина, Е.Н. Еленовской и др.) можно считать точно установленным, что по форме своей (краткость, рифмованность) частушка – старшего происхождения и в своем истоке тесно связана с традиционным творчеством деревни. Действительно, исследователями были указаны некоторые записи крестьянских плясовых песенок конца XVIII и начала XIX в., очень близких по своему размеру и строению к частушкам» [Соколов, 2008. с. 20].

На наш взгляд, В.И. Чичеров приводит наиболее ёмкое определение частушки: «Частушка – это короткая, обычно четырехстрочная, реже двустрочная или шестистрочная песенка, в которой запечатлен какой-нибудь один момент жизни или переживаний человека. Многие частушки, как правильно указывали исследователи, напоминают по своим особенностям моментальный снимок с яркой, типичной жизненной картины» [Чичеров, 1959, с. 435].

В последней четверти XIX в., частушка стала пользоваться большой популярностью, прежде всего у сельских жителей. Основной причиной такого интереса к частушке, стало заметное изменение социально-экономического положения российской деревни в эпоху пореформенной межсословной эмансипации и буржуазной модернизации аграрных отношений. Ускоряющийся темп жизни влиял на появление новых поэтических форм. Частушка, с ее кратким смыслом и ритмичностью, стала удобной формой, откликающейся на все разнообразие общественной и личной жизни.

Таким образом, частушка по сути является социопсихологическим слепком народных воззрений на то или иное социально-политическое явление. Четкость сформулированной народной мудрости в частушках, отражающих реальную действительность, позволяют их считать историческими источниками.

Тем не менее, частушки практически не использовались и не используются исследователями в качестве исторического источника. Редкое исключение – это предисловия или вводные статьи к сборникам народных частушек, где указывается их важность для понимания тех или иных исторических событий [Рождественская, Жислина, 1956, с. 3–16; Селива-

нов, 1990, с. 5– 28]. Частушки по разнообразию тем близки и народной песне, и пословицам, и поговоркам, а так же всем другим жанрам, всесторонне отражающим жизнь человека.

В настоящей статье рассматриваются частушки, в которых наиболее ярко отразились изменения взглядов русской крестьянки на семейно-брачные отношения в конце XIX – 30-х гг. XX вв.

Перед тем как перейти к анализу частушек в контексте трансформации семейно-брачных отношений, необходимо указать, что частушки в сборниках советского периода специально подбирались в рамках большевистской идеологии. Здесь нельзя не упомянуть утверждение американского ученого Р. Дорсона: «Официальный советский фольклор на девять десятых – фейклар (анг. fake – подделка, фальшивка)» [Костюхин, 2004, с. 284]. Данное утверждение социально гипертрофированно, но суть подмечена верно. В качестве примера можно привести частушки антикоммунистической направленности:

Как у наших у ворот, у нашей калитки,
Удушился коммунист на суровой нитке.

У девчонки дела очень серьезные,
Двух близняток родила, говорит – колхозные.

Колхоз, ты колхоз, чертово создание,
Мужики – доить коров, бабы – на собрание.
[Будни экспроприации...]

Данные частушки отражали настроение определенной части советской деревни, не принявшей советскую власть. Тем не менее, значительная часть советской деревни в 20 – 30-е гг., особенно молодежь, была настроена просоветски, и частушки из официальных сборников отражают мировоззрение значительной части советского крестьянства, хотя определенное недовольство отдельными сторонами колхозной жизни проявлялось и у них. В мягкой, ироничной форме это нашло отражение в народных частушках.

Рассмотрим традиционные моменты, связанные с созданием молодой семьи (взаимоотношения дочерей с родителями, выборы жениха, свадебный обрядом), а затем проанализируем новации в семейно-брачной сфере и психологии советской крестьянки. Брачные отношения в среде русских крестьян определялись их нравственными воззрениями, а именно: семья в глазах земледельца считалась первым условием благосостояния. Такое воззрение исходило из функций семьи крестьян – обеспечение преемственности многовековых знаний, опыта, народной культуры последующими поколениями. [Русские, 1999, с. 419].

В народном фольклоре имеется большое количество частушек, в которых отразились идеальные представления девушек о будущем суженом. Девушкам нравились парни румяные, высокие и широкоплечие. «Косая сажень в плечах» говорит о силе, которая подразумевала и смелость:

Встало солнце золотое
Из тумана белого.
Мое сердце молодое
Любит парня смелого.
[Русские частушки, 1956, с. 417].

Вероятно, смелость являлась тождеством способности защитить девушку от всевозможных невзгод и отсутствие боязни самостоятельно принимать решения. Не маловажным элементом была внешняя привлекательность:

Черный ворон, черный ворон,
Черный вороненочек.
Чернобровый, черноглазый –
Это мой миленочек.
[Русские частушки, 1956, с. 425].

Сероглазый, ваши речи
С первой встречи понял.
Ваши речи с первой встречи
На любовь перевела.
[Русские частушки, 1956, с. 415].

Девушки предпочитали «гулять» с хорошо одетыми, щеголеватыми парнями, которые умели играть на гармони или баяне:

Гармониста я любила
И меня он уважал,-
Он всегда меня веселую
До дома провожал.
[Частушки, 1990, с. 2664].

Помимо внешней привлекательности в почётниках (женихах) ценилась и немногословность:

Я нашла себе милого:
Он молчит, и я ни слова,
Дивовалися на нас –
Вот так пара собралась.
[Русские частушки, 1956, с. 414].

В пореформенное время именно за родителями было главное слово в выборе жениха для дочери. Зачастую девушкам не нравился выбор родителей, которые в этом вопросе руководствовались большей частью экономическими выгодами, а не романтическими взглядами молодых [Зотова, Новиков, Шорохова, 1983, с. 142; Аргудяева, 1997, с. 135.]:

Я сегодня рыбу ела,
В рыбе сердце видела.
За кого замуж хотела,
Маменька не выдала.
Русские частушки, 1956, с. 171].

В руки свечку подавали
Со цветочком голубым.
Мое сердечко замирало –
Меня венчают с нелюбим.
[Русские частушки, 1956, с. 173].

Обычно девушки не могли повлиять на решение родителей. Поэтому мы встречаем и грустные частушки, призывающие не ходить замуж, в которых будущее с нелюбимым человеком выглядит очень печально, а порою трагично. Девушкам представляется, что уж лучше смерть, чем такой брак:

Не ходите, девки, замуж
Не за милого дружка:
Лучше в реченьку скатиться
Со крутого бережка.
[Частушки, 1990, с. 66].

Не пили-ка, батька, тесу,
Не стели к Валдаю мост.
Моя свадебка проедет
В Островщину на погост.
[Русские частушки, 1956, с. 172].

Был и другой выход избежать замужества – принять статус чернички. Чернецами на Руси называли монахов за черный цвет их одежды. Чернецами и черничками также называли монашествующих в миру, то есть людей, которые вели монашеский образ жизни, но не были пострижены и продолжали жить среди односельчан или странствовать из села в село [Иникова, 2001, с. 337].

Черничками становились незамужние, физически неспособные к тяжкому крестьянскому труду девушки. Но среди черничек были и такие, которые совершенно сознательно отказывались от брака во имя служения Богу. Это был единственный способ отказаться от замужества здоровой девушке. [Свет, 2001, с. 244]. Отголоски этого социального явления мы находим в следующих частушках:

Я надену черно платье,
Подальше отойду:
Дала себе навеки клятву,
Что я замуж не пойду.
[Частушки, 1990, с. 67]

Я надену платье черно,
Буду как монашенька.
Как приедут меня сватать,
Откажи папашенька!
[Частушки, 1990, с. 68]

Упомянутое в частушках черное платье не случайно, так как черный цвет издревле на Руси обозначал – печаль, траур, смерть [Забелин, 2003, с. 597]. В других частушках, в которых девушки не хотят выходить замуж не за своего избранника, или дролю (милого), причинами этого нежелания являются перспективы изменения привычного, комфортного уклада жизни. В частушках сопоставляется веселая жизнь в родной семье и горькая доля, которая ждет девушку после замужества:

Весела моя головушка,
Охоча песни петь,
Веселись, покуда в девушках,
А там будешь реветь.
[Частушки, 1990, с. 66]

Частушки данного цикла перекликаются с одним из традиционных элементов свадебного обряда – прощание с девичеством (девичником), который предварял само свадебное действие. В большинстве русских деревень невеста в это время носила «печальную» одежду (то есть одежду белых и темных тонов), распущенные волосы, покрытые надвинутым на лицо платком. Она мало выходила из дому и при посторонних демонстрировала печаль [Шангина, 2007, с. 271; Русские, 1999, с. 482]. Как и любой девичник, как правило, заканчивается свадьбой, так и народный фольклор подводит итог неизбежности будущей новой замужней жизни:

Бабы в бабах каются,
Девки замуж ладятся.
Это вам не миновать –
Придется сборник надевать.
[Частушки, 1990, с. 68]

У тяти лестница крутая,
Тяжело воду носить.
Участь девичья такая –
Надо замуж выходить.
[Русские частушки, 1956, с. 172].

Но, несмотря на то, что представления родителей и невесты о будущем избраннике не всегда совпадали, свадьба для девушки была самым ярким и радостным событием.

Девушка очень боялась не столько брака с нелюбимым, сколько возможности остаться незамужней. Когда ее ровесницы становились замужними женщинами, ее объявляли «вековухой», «непетым волосьем». Про нее говорили, что она «как сорока на березке – все сидит и сидит». Ее и жалели, и презирали, подвергая различным насмешкам, напоминая при случае, что она «ни то се». [Шангина, 2007, с. 233]. В частушках мы находим подтверждение тому факту, что лучше для девушки брак с нелюбимым, чем угроза остаться «старой девой»:

Меня сватают сваты,
Просватайте, родители:
Старой девушкой останусь, –
Братья не кормители.
[Частушки, 1990, с. 70]

Дура я, дура я,
В гору льна не сеяла.
Отдай, маменька меня,
Покамест не просмеяна.
[Частушки, 1990, с. 71]

Таким образом, частушки подчеркивают, что каждая девушка должна создать семью, желательно по любви. А если по принуждению родителей, то такой брак все же лучше, чем угроза остаться незамужней. Хорошо, если суженый будет красив, смел, трезв, хорошо одет (как видим об учености речи не идет).

Рассмотрим, как менялись эти представления под влиянием коренной ломки старого традиционного общественного уклада после Октября 1917 и последующих за этим экономических и социальных преобразований, которые непосредственно влияли на семейно-брачные отношения. Революция дала женщинам равные права с мужчинами, и это коренным образом отразилось и на институте брака.

Революционные декреты советской власти о браке и разводе, круто изменили патриархальные представления и нанесли тяжелый удар по семье старого типа. Одновремен-

но они запустили механизм дальнейших трансформаций матримониального поведения населения. С этого времени в Советской республике начался мучительный этап переоценки и критики традиционных семейных ценностей. В печати и жарких политических спорах о дальнейшем развитии общества патриархальная семья полностью отрицалась.

Радикальная реформа семейно-брачного законодательства коснулась и деревни, хотя она еще долго не принимала гражданские браки, по-прежнему предпочитая браки по церковному обряду [Вербицкая, 2009, с. 61–62]. Этнографы, изучавшие в середине 1920-х гг. свадебные обычаи русского народа, тем не менее, отмечали признаки начавшегося разложения традиционных элементов добрачного поведения у сельской молодежи. «Вообще девушки теперь стали уже не те, и старые женщины отзываются о них так: «Теперь бабы, особенно девушки, не сидят дома, а бегают в клуб. В прежние годы они все сидели дома да готовили приданное, а теперь выходят так, ни у кого ничего нет» ... Или: «Все (девушки) теперь стали бесстыжие, идут с парнями под ручку не только ночью, даже днем не стыдятся» [Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР, 1926, с. 23]. Таким образом, характер межполовых отношений молодежи претерпевал изменения. Общение постепенно становилось все более открытым. Это прежде всего было связано с ростом экономической независимости молодежи, самостоятельности брачного выбора, изменения мотивов вступления в брак.

Перемены стали заметны уже в 20-е годы XX в. Зачастую роль родителей в брачном выборе детей оставалась еще значительной, но с годами самостоятельность молодежи росла, и в 30-е годы, судя по этнографическим данным, выбор брачного партнера, в основном, становится независимым [Русские, 1999, с. 436; Зотова и др., 1983, с. 150]. Именно в этот период наступает расцвет частушки. В ней в юмористической, сатирической форме отражались каждодневные главные события. Она легко создавалась, так как оперировала несложными средствами художественной выразительности. Являясь жанром, который активно откликается на все общественные перемены, частушка хорошо вписалась в политическую и социальную ситуацию первых советских пятилеток. Согласно мнению Н. Скрадоль, частушка, как никакой другой жанр фольклора, отвечала и целям партийных теоретиков: «Краткость и стилистическая незатейливость, легкая запоминаемость и тематическая всеядность частушечных текстов сделали их особенно привлекательными в глазах идеологов, видевших в создании нового, советского фольклора безграничное поле деятельности для легитимизации истинно народного статуса новой власти и народности как основного качества художественного творчества масс» [Скрадоль, 2017].

Будучи жанром, отображающим все стороны жизни человека, частушка во многом отзывается также на женские проблемы. В ней представляются и бытовые, и социальные моменты жизни новой советской труженицы. Но при этом еще раз отметим, что частушка является жанром, характерным в основном для сельской местности, а значит, не касаясь горожанок, большую часть жизни советской женщины она не отражает.

Большинство частушек 20-30-х гг. XX века, так или иначе, связано с коллективизацией и колхозной жизнью. Многие женщины при этом вообще не ощущают себя частью семьи, ассоциируя свою личность с колхозом или коммуной:

Ты играй, играй гармошка,
Пусть девчата подпоют.
Наш колхоз теперь богатый,
Не такой, как «Красный кут».
[Русские частушки, 1956, с. 317]

При этом героини гордятся и своей новой жизнью, и своим колхозом. Женщины ударно работают, их портреты помещают на почетные доски, премируют, они становятся делегатками различных слетов. Например, в газете «Сталинец», выходящей в городе Белгороде ЦЧО, в мартовском номере 1934 г. в статье «Работаю не хуже мужчины», посвященной ударнице Шопинского колхоза «Пламя Сталина» Калининченко П.Ф., читаем: «В колхоз я вступила с момента его организации в 1930 году. Работаю по ударному, с временем не считаюсь. Несколько раз премирована правлением колхоза за хорошую

работу. До мая месяца 1933 года, я работала рядовой колхозницей. В мае меня назначили на работу звеньевой... В декабре месяце меня выбрали делегаткой на областной слет колхозниц-ударниц. На слете меня премировали грамотой ударницы и библиотекой. С декабря месяца 1933 г. работаю заместителем председателя правления колхоза. В 1934 году окончила курсы бригадиров. Сейчас уже работаю бригадиром. Теперь я на руководящей колхозной работе... «Женщина в колхозе – большая сила». Так сказал тов. Сталин о колхозницах. Его слова мы оправдаем своей ударной работой в колхозе» [Сталинец, 1934, с. 37].

И в частушках часто звучит мысль о том, что женщина является не просто колхозницей, а передовиком, ударницей и даже занимает руководящую должность:

Говорят, я некрасива.
Верно, не красавица,
Но зато в колхозе стала
Первая ударница.
[Русские частушки, 1956, с. 310]

С неба звездочка упала –
С высоты на самый низ.
Мой товарищ – агитатор,
Я – партийный коммунист.
[Частушки, 1990, с. 152]

Я в колхозе бригадиром,
Сердце, ой, волнуется!
Моя первая бригада
С третьей соревнуются!
[Русские частушки, 1956, с. 308]

Ваши девки на сто верст
Умными считаются,
А у нас на высший пост
Девки назначаются.
[Русские частушки, 1956, с. 253]

Если в частушках досоветского времени девушки соперничали за «новое платье» или за любовь парня, то теперь они соревнуются у кого больше трудодней:

Балалайка, тренькай, тренькай,
Не угнаться мне за Фенькой,
Платье новое на ней –
Полна книжка трудодней!
[Колхозные частушки 20-х – 30-х годов...]

О соцсоревновании женских бригад много подтверждений в периодической печати. Например, в указанной газете «Сталинец» за октябрь 1933 год, в статье «Вести с свекловичных плантаций», читаем: «Колхозницы колхоза «День Урожая», Беловского сельсовета по ударному работают на свеклоуборочном фронте. Звенья и отдельные колхозницы между собой соревнуются...» [Сталинец, 1933. 47]. Советские колхозницы соревнуются не только между собой, но и вызывают на соревнование мужчин:

Ну, давай соревноваться:
Ты со мной, а я с тобой.
Перевыполним заданье
Мы в весенней посевной.
[Русские частушки, 1956, с. 308]

Еще один немаловажный аспект прослеживается в частушках этого периода – женщина не только формально получила равные права с мужчинами, но она это транслировала окружающим:

С обушком мы раньше были,
А теперь с машиною.
Права равные добыли
Женщины с машиною.
[Русские частушки, 1956, с. 308]

В реальной жизни женщины в своей эмансипации идут еще дальше. Они не признают авторитет мужчин и считают себя даже выше, статуснее, умнее. В газете «Сталинец» за август 1933 года помещена статья колхозницы Лукьяненко Н. под заголовком «Не уважу мужчине». (В.И. Даль дает такое определение слову «уважить» – почитать, чтить, признавать чьи либо достоинства; ценить высоко.) [Уважить...] Уже в самом заголовке данной статьи звучит женское превосходство, а в тексте прямая критика мужчин, которые работают хуже [Сталинец, 1933. 32].

В частушках, посвященных созданию новой социалистической семьи, также прослеживаются элементы новой жизни. Если раньше девушки мечтали выйти замуж за веселого, красивого парня, гармониста, щеголя, то теперь список «требований» к будущему избраннику изменяется. На первый план выходят общественно-значимые критерии. Парень должен быть комсомольцем или коммунистом:

Приходили меня сватать,
Приданого триста.
Не желаю восемьсот, –
Только коммуниста.
[Русские частушки, 1956, с. 242].

С комсомольцем я гуляю,
С комсомольцем я хожу.
Ты поверь, моя подруга,
Что милей не нахожу.
[Русские частушки, 1956, с. 244].

Ценилось, если он был передовиком или занимал руководящую должность в колхозе:

У милого на груди
Значок эмалированный.
Премируют его часто –
Парень избалованный.
[Частушки, 1990, с. 158]

Еще один немаловажный аспект выходит на передний план в отношениях молодежи – это образованность. Девушки одобрительно посматривают на молодых людей, которые обучаются в школе:

На шоссе большая школа,
Выше средних елочек.
В этой школе, в этом доме
Учится миленочек.
[Частушки, 1990, с. 158]

На протяжении 20-х годов особенно быстро повышался образовательный уровень деревенского актива, и прежде всего членов партии. Следует подчеркнуть, что поскольку социальная активность выступала мощным фактором культурного развития крестьян, перспективы быстрой ликвидации неграмотности у деревенских активистов были значительно более благоприятными, чем у остальной массы сельских жителей [Козлов, 1983, с. 158]. С появлением в колхозах новой техники, в частности тракторов, именно трактористы рассматриваются девушками в качестве завидных женихов:

Из колодца вода льется,
Вода чистая.
Эх, подружки, полюбила
Тракториста я.
[Гой еси вы, добры молодцы, 1979, с. 376]

Но советская женщина не только мечтает выйти замуж за тракториста, но и сама учиться работать на тракторе, хотя для большинства крестьянских женщин престижные профессии были недоступны, поскольку требовали не только профессиональной подготовки, но и немалой физической силы. В 30-е годы был выдвинут лозунг «Женщины – на трактор», нашедший отклик у определенного числа последовательниц:

Устюг-город сердцу дорог,
И краса его мила.
Я на курсах трактористов
В нем три месяца жила.
[Русские частушки, 1956, с. 302]

Забегая вперед, отметим, что в начальный период Великой Отечественной войны и в последующие военные годы обучение женщин работе на тракторах и комбайнах значительно участилось. Например, Старооскольская районная газета «Путь Октября» за июнь 1941 г. писала: «В связи с мобилизацией мужского населения на фронт при Пушкинской МТС Старооскольского района открылись двухнедельные курсы трактористов-комбайнеров, где ускоренным путем должны будут проходить обучение женщины и девушки» [Путь Октября, 1941, 27 июня].¹

С появлением нового законодательства советской власти о браке изменилась и форма заключения брака. После Октября 1917 г. еще существовали преимущественно браки «венчанные», сопровождающиеся традиционным свадебным обрядом. От последнего, связанного с большими затратами, отказывались лишь бедняцкие семьи. К началу 30-х годов XX в. церковное венчание стало уступать регистрации браков в сельсоветах [Русские, 1999, с. 437].

Частушка быстро откликнулась на новое положение вещей. Государственная регистрация браков приветствовалась деревенской молодежью:

Теперь новые права –
В церкви не венчаться.
В сельсовете за столом
Только расписаться.
[Русские частушки, 1956, с. 238]

Большое влияние на трансформацию семейно-брачных отношений оказал декрет от 18 декабря 1917 г. о разводе. Разводы очень быстро проникли в деревню, особенно в молодые семьи. Легкость развода с нелюбимыми мужьями звучит в следующей частушке:

Советская власть –
Мужа не боюсь.
Если будет меня бить,
Пойду разведуся.
[Русские частушки, 1956, с. 225]

Осознав предоставленные ей права, крестьянка, у которой не складывалась семейная жизнь, уже не боялась полного разрыва с мужем. Исследование материалов народных судов Костромской губернии, например, показало, что в середине 1920-х гг. свыше 60% бракоразводных дел было возбуждено по инициативе женщин-крестьянок. Поводом к разводу выступали разные причины, в том числе побои и оскорбления, но чаще всего «несходство характеров», подразумевавшее различные взгляды супругов на равноправие женщины.

Вот конкретный пример из судебной практики: «Крестьянка просит у мужа развода, так как он запрещает ей бывать на собраниях, участвовать в общественной работе. Как-то он набросился на нее и избил за участие в делегатских собраниях». В итоге супруги развелись, дети остались с матерью, а она, добившись «равноправия», стала активной общественницей в местном Кресткоме [Вербицкая, 2009, с. 145].

Частушек, посвященных новому быту и новому мышлению советских женщин, большое количество. Например:

¹ См. напр.: Государственный архив новейшей истории Белгородской области (далее ГАНИБО) Ф. 3. Оп. 1. Д. 257. Л. 6. Постановление по Алексеевской МТС от 1 июня 1941 г. «О подготовке женщин-трактористок»; ГАНИБО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 15. Л. 6. Из постановления бюро Курского обкома ВЛКСМ от 8 марта 1943 г. «Об организации соревнования женских тракторных бригад и женщин-трактористок области».

Хоть ругайте, не ругайте,
А по вашему не быть,
На ячейку, на собрание
Не закажите ходить.
[Русские частушки, 1956, с. 250]

Раскулачивание, проводимое в ходе сплошной коллективизации, представляло собой один из самых трагических актов в разыгравшейся тогда деревенской драме. В системе сталинских политических стереотипов оно изображалось как классический образец ликвидации эксплуататорского класса, осуществленного в ходе социалистического преобразования [История Отечества: люди, идеи, решения, 1991, с. 179-182; Агафонов 2001, с. 315; Данилов, 2011, с. 842 и др.] Раскулачивание и последующее выселение не согласных с советской властью отрицательно отразилось на всей деревне и на семейно-брачных отношениях в частности.

Эти процессы нашли своё художественное воплощение и в частушках:

Ты не сватай меня, сваха,—
Что мне лавка, что мне дом?
Лучше жить мне вольной птахой,
Чем венчаться с кулаком.
[Частушки, 1990, с. 153]

Надо еще раз отметить, что частушка не передавала реального отношения к какому-либо событию, главное в ней – это юмор, озорство, веселая игра со словом. В этом ее отличие от других фольклорных жанров, особенно от лирических песен, наполненных болью и страданиями. Тем не менее, они отражали изменения ментальности советского крестьянства в годы большевистской модернизации российской деревни.

При социопсихологическом подходе анализа частушек в качестве исторического источника становится очевидным, что они несут в себе определенный заряд ценной информации, подтверждающий или опровергающий имеющиеся версии социально-экономического, политического, культурного планов. В контексте исследования семейно-брачных отношений в русской деревне частушки помогают акцентировать внимание на эволюционных процессах ментального характера, оттеняя нюансы различных сторон переходных эпох. Краткость, ироничность, нацеленность на главные сюжеты сельской жизни делают частушки ценным источником для изучения деревенской действительности конца XIX – 30-х гг. XX вв. При этом частушки, представленные в официальных сборниках советского периода, не отражают весь спектр воззрений советской деревни, а только той её части, которая приняла большевистскую революцию.

Список литературы References

1. Агафонов В.П., Антонов Е.А и др. 2001. Крестьянство в исторической судьбе России. М., МСХА, 676.
Agafonov V.P., Antonov E.A. et al. 2001. Krest'yanstvo v istoricheskoy sud'be Rossii. M., MSKhA Publ., 676. (in Russian)
2. Аргудяева Ю.В. 1997. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. – начало XX в.) М., РАН, 315.
Argudyaeva Yu.V. 1997. Krest'yanskaya sem'ya u vostochnykh slavyan na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (50-e gody XIX v. – nachalo XX v.). M., RAN Publ., 315. (in Russian)
3. Безгин В.Б. 2000. Обычное право русской деревни (вторая половина XIX – начала XX вв.). Тамбов, ТГТУ, 304.
Bezgin V.B. 2000. Obychnoe pravo russkoy derevni (vtoraya polovina XIX – nachala XX vv.). Tambov: TGTU, 304. (in Russian)
4. Бранденбургский Я.Н. 1926. Брак и семья. М., Юридическое из-во НКЮ РСФСР, 33.

Brandenburgskiy Ya.N. 1926. Brak i sem'ya. M., Yuridicheskoe iz-vo NKYu RSFSR, 33. (in Russian)

5. Будни экспроприации. Сцены из деревенской жизни 20-30-х годов прошлого века. URL: https://plus.google.com/share?url=http%3A%2F%2Fwww.intelros.ru%2F2007%2F09%2F20%2Fbudni_jekspropriacii_sceny_iz_derevenskojj_zhizni_2030kh_godov_proshlogo_veka.html&utm_source=share2 (дата обращения: 15.05.2017).

Budni ekspropriatsii. Stseny iz derevenskoy zhizni 20-30-kh godov proshlogo veka. URL: https://plus.google.com/share?url=http%3A%2F%2Fwww.intelros.ru%2F2007%2F09%2F20%2Fbudni_jekspropriacii_sceny_iz_derevenskojj_zhizni_2030kh_godov_proshlogo_veka.html&utm_source=share2 (data obrashcheniya: 15.05.2017). (in Russian)

6. Вербицкая О.М. 2009. Российская сельская семья в 1897-1959 гг. (историко-демографический аспект). М.-Тула. Гриф и К, 296.

Verbitskaya O.M. 2009. Rossiyskaya sel'skaya sem'ya v 1897-1959 gg. (istoriko-demograficheskiy aspekt). M.-Tula, Grif i K Publ., 296. (in Russian)

7. Вольфсон С.Я. 1937. Семья и брак в их историческом развитии. М., Социально-экономическое из-во, 244.

Volfson S.Ya. 1937. Sem'ya i brak v ikh istoricheskom razvitii. M., Sotsial'no-ekonomicheskoe iz-vo, 244. (in Russian)

8. Гой еси вы, добры молодцы: Русское народно-поэтическое творчество. 1979. Сост. П.С. Выходцев, Е.П. Холодова. М., Молодая гвардия, 399.

Goy esi vy, dobry molodtsy: Russkoe narodno-poeticheskoe tvorchestvo. 1979. Sost. P.S. Vykhodtsev, E.P. Kholodova. M., Molodaya gvardiya, 399. (in Russian)

9. Данилов В.П. 2011. История крестьянства России в XX веке. Ч.1. М., РОССПЭН, 831.

Danilov V.P. 2011. Istoriya krest'yanstva Rossii v XX veke. Ch.1. M., ROSSPEN, 831. (in Russian)

10. Забелин М. 2003. Русский народ: Его обычаи, предания, обряды и суеверия. М., Эксмо, 608.

Zabelin M. 2003. Russkiy narod: Ego obychai, predaniya, obryady i sueveriya. M., Eksmo Publ., 608. (in Russian)

11. Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохова Е.В. 1983. Особенности психологии крестьянства (прошлое и настоящее). М., Наука, 168.

Zotova O.I., Novikov V.V., Shorokhova E.V. 1983, Osobennosti psikhologii krest'yanstva (proshloe i nastoyashchee). M., Nauka, 168. (in Russian)

12. Иникова С.А. 2002. Черничество и сектантство в Воронежской губернии в 1850-е годы. Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII-XX веках. Этнографические исследования и материалы. О.В. Кириченко, Х.В. Поплавская. М., Наука: 377-399.

Inikova S.A. 2002. Chernichestvo i sektantstvo v Voronezhskoy gubernii v 1850-e gody. In Pravoslavnyaya vera i traditsii blagochestiya u russkikh v XVIII-XX vekakh. Etnograficheskie issledovaniya i materialy. O.V. Kirichenko, Kh.V. Poplavskaya. M., Nauka: 377-399. (in Russian)

13. История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. 1991. Сост. Козлов В.А. М., Политиздат, 366.

Istoriya Otechestva: lyudi, idei, resheniya. Ocherki istorii Sovetskogo gosudarstva. 1991. Sost. V.A. Kozlov. M., Politizdat, 366. (in Russian)

14. Козлов В.А. 1983. Культурная революция и крестьянство 1921-1927. (По материалам Европейской части РСФСР). М., Наука, 216.

Kozlov V.A. 1983. Kul'turnaya revolyutsiya i krest'yanstvo 1921-1927. (Po materialam Evropeyskoy chasti RSFSR). M., Nauka, 216. (in Russian)

15. Колхозные частушки 20-х – 30-х годов. URL: <http://www.biografia.ru/arhiv/chast07.html> (дата обращения: 15.06.2017)

Kolkhoznye chastushki 20-kh – 30-kh godov. URL: <http://www.biografia.ru/arhiv/chast07.html> (data obrashcheniya: 15.06.2017) (in Russian)

16. Костюхин Е.А. 2004. Лекции по русскому фольклору: учеб. пособие для вузов. М., Дрофа, 336.

Kostyukhin E.A. 2004. Lektsii po russkomu fol'kloru: ucheb. posobie dlya vuzov. M., Drofa, 336. (in Russian)

17. Кремлева И.А. 2001. Мирской обет. Православная жизнь русских крестьян XIX-XX веков: Итоги этнографических исследований. Отв. ред. Т.А. Листова. М., Наука: 229-251.

Kremleva I.A. Mirskoy obet. In Pravoslavnyaya zhizn' russkikh krest'yan XIX-XX vekov: Itogi etnograficheskikh issledovaniy. Otv. red. T.A. Listova. M., Nauka, 2001: 229-251. (in Russian)

18. Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. 1926. Отв. В.Г. Дыренков. Л., Комис. по устройству студенч. этногр. экскурсий, 266.
Materials po svad'be i semeyno-rodovomu stroyu narodov SSSR. 1926. Otv. red. V.G. Dyrenkov. L., Komis. po ustroystvu studench. etnogr. ekskursiy, 266. (in Russian)
19. Путь Октября. 1941. 27 июня. № 150.
Put' Oktyabrya. 1941. 27 iyunya. № 150. (in Russian)
20. Пушкарева Н.Л. 1997. Женщина в русской семье X – начала XIX в.: динамика социально-культурных изменений. М., Ладомир, 230.
Pushkareva N.L. 1997. Zhenshchina v russkoy sem'e X – nachala XIX v.: dinamika sotsial'no-kul'turnykh izmeneniy. M., Ladomir Publ., 230. (in Russian)
21. Русские. 1999. Под ред. В.А. Александрова, И.В. Власовой, Н.С. Полищук. М., Наука, 828.
Russkie. 1999. Pod red. V.A. Aleksandrov, I.V. Vlasova, N.S. Polishchuk. M., Nauka, 828. (in Russian)
22. Русские частушки. 1956. Сост. Н.И. Рождественская, С.С. Жислина. М., Художественная литература, 496с.
Russkie chastushki 1956. Sost. N.I. Rozhdestvenskaya, S.S. Zhislina. M., Khudozhestvennaya literature, 496. (in Russian)
23. Свет В.Н. 1889. О черничках. Этнографическое обозрение. Императорское общество любителей естествознания, археологии и этнографии. Кн. 1: 182.
Svet V.N. 1889. O chemichkakh. Imperatorskoe obshchestvo lyubiteley estestvoznaniya, arkhologii i etnografii. Kn. 1: 182. (in Russian)
24. Селиванова С.И. 2008. Русский фольклор. Основные жанры и персонажи. М., Логос, 199.
Selivanova S.I. 2008. Russkiy fol'klor. Osnovnye zhanry i personazhi. M., Logos, 199. (in Russian)
25. Скрадоль Н. «Жить стало веселее»: сталинская частушка и производство «идеального советского субъекта». Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/108/s14.html> (дата обращения: 25.05. 2017).
Skradol' N. «Zhit' stalo veselee»: stalinskaya chastushka i proizvodstvo «ideal'nogo sovetskogo sub"ekta». Zhurnal'nyy zal. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/108/s14.html> (data obrashcheniya: 25.05. 2017). (in Russian)
26. Соколов М.Ю. 2007. Русский фольклор. М., Московский университет, 543.
Sokolov M.Yu. 2007. Russkiy fol'klor. M., Moskovskiy universitet, 543. (in Russian)
27. Сталинец. 1933. 6 октября. № 47.
Stalinets. 1933. 6 oktyabrya. № 47. (in Russian)
28. Сталинец. 1934. 8 марта. № 37. (105).
Stalinets. 1934. 8 marta. № 37 (105). (in Russian)
29. Сталинец. 9 августа. 1933. № 32.
Stalinets. 9 avgusta. 1933. № 32. (in Russian)
30. Уважить. 1998. В кн: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.4. М., Русский язык: 460.
Uvazhit'. 1998. V kn.: Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo. T. 4. M., Russkiy yazyk: 460. (in Russian)
31. Частушки. 1990. В кн: Библиотека русского фольклора. Т. 9. Сост. Ф.М. Селиванов. М., Советская Россия, 656 с.
Chastushki. 1990. V kn.: Biblioteka russkogo fol'klora. T. 9. Sost. F.M. Selivanov. M., Sovetskaya Rossiya, 656 (in Russian)
32. Чичеров В.И. 1959. Русское народное творчество. М., МГУ, 524.
Chicherov V.I. 1959. Russkoe narodnoe tvorchestvo. M., MGU, 524. (in Russ.)
33. Шангина И.И. 2007. Русские девушки. СПб., Азбука-классика, 352.
Shangina I.I. 2007. Russkie devushki. SPb., Azbuka-klassika, 352. (in Russian)
34. Engel B. 1994. Work and Family in Russia. 1861-1914. Cambridge, Cambridge University Press. 232.
35. Stites R. 1978. The Women's liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860-1930. N.Y., Princeton univ. press, 269.